

Борис И. Беленкин
Общество „Мемориал”, Москва

ЧЕМОДАН МАРГОЛИНА
(ЭКОЛОГИЯ КАРГОПОЛЬЯ
В МЕМУАРАХ БЫВШИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ)

Каргополью, или в том числе Каргопольягу, посвящено несколько десятков опубликованных мемуаров бывших политзаключенных. Исследований (монографий или статей) — ни одного. Поэтому основной источник моей работы — именно мемуары.

Среди их авторов — историк Русской православной церкви в XX веке диссидент Анатолий Левитин-Краснов, актриса Татьяна Окуневская, киносценарист Валерий Фрид, философы Григорий Померанц и Елизарий Мелетинский, востоковед Исаак Фельштинский.

Среди тех, кто прошел через Каргопольягу, но воспоминаний о нем не оставил: сын командарма, будущий диссидент Петр Якир, автор пьесы *Давным-давно* драматург Александр Гладков, швейцарский коммунист Фриц Платтен, пострадавший «за дочку Сталина», кинорежиссер Алексей Каплер, будущий знаменитый фарцовщик Ян Рокотов, один из самых почитаемых старцев Русской православной церкви второй половины XX века архимандрит Иоанн Крестьянкин.

О Каргопольяге мир узнал несколько раньше, чем о большинстве других островов архипелага ГУЛАГ. Во время и сразу после Великой Отечественной войны на Запад стали прибывать польские граждане, побывавшие в Каргопольяге. Они и представили первые обратившие на себя внимание мировой общественности свидетельства. Первым автором лагерных мемуаров на русском языке о Каргопольяге (по времени написания и публикации) был гражданин Польши и житель Палестины, случайно оказавшийся в августе-сентябре 1939 года на территории, оккупированной СССР, Юлий Борисович Марголин¹. С него и начнем:

---

¹ Ю. Марголину удалось уехать из СССР в Палестину в 1946 г. В 1953 г. в Издательстве им. А.П. Чехова вышли его мемуары, ставшие событием в истории разоблачения сталинского режима.

Вечером 7-го дня [июля 1941 г. — Б.Б.] открылся перед нами древний город архангельского севера, Каргополь, во всей красе своих куполов и колоколен, пятиглавого собора и белостенных монастырей. Город в лучах заходящего солнца сиял и горел, как видение летописного прошлого [...] я не мог отвести глаз от панорамы города...²

(Прервем цитату и вернемся к ней в самом конце сообщения.)

Тот же путь и тогда же, когда и Марголин, прошел сын репрессированного бывшего офицера царской армии — инженер и поэт Юрий Люба:

Так прошли мы 380 километров до старинного городка Каргополь [...] К сожалению Каргополя я почти не видел. Нас подвели к небольшой пристани на берегу озера Лача, сразу же погрузили в большую баржу, и маленький пароходишко потянул ее через большое живописное озеро [...] конвой не загонял нас в трюм, не угрожал все время применением оружия. Мы спокойно плыли по тихой воде под ярким июльским солнцем [...] мы все были сыты, не страдали от холода, качки, от нестерпимой вони бочек-параш. [...] Одним словом, мы чувствовали себя хоть и подневольными, но все же людьми. Проплывали мимо мирные живописные берега, отходившие все дальше и дальше...³

Каргополь, город, давший название лагерю, вполне можно уподобить лагерному граду-Китежу. Для зеков 40-х годов метафора вполне уместна, учитывая, что всего двум-трем мемуаристам-лагерникам довелось увидеть сам город, а также и то, что город Каргополь к Каргопольлагу с 1941 года никакого отношения уже не имел! (В скобках отмечу интересную деталь: лагерные мемуаристы часто плохо себе представляли, где они находились в течение многих лет. Например, Краснов-Левитин допускает в своей «мемуарной справке» по Каргопольлагу совершенно фантастические характеристики — он пишет, что лагерь охватывал не менее ста тысяч человек и растянулся на 600 км⁴).

Обратимся к авторитетному изданию⁵ и приведем выдержки из справки по Каргопольскому ИТЛ:

² Ю. Марголин: *Путешествие в страну зэ-ка*. Тель-Авив: Общество по увековечению памяти Д-ра Юлия Борисовича Марголина 1976, с. 177.

³ Ю. Люба: *Воспоминания*. Санкт-Петербург: Научно-информационный центр «Мемориал» 1998, с. 89.

⁴ А.Э. Левитин-Краснов: *«Рук Твоих жар» (1941–1956)*. Тель-Авив: [Круг] 1979, с. 237.

⁵ *Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник*. Москва: Звенья 1998.

КАРГОПОЛЬСКИЙ ИТЛ (КАРГОПОЛЬЛАГ):

Время существования: организован 16.08.1937 г.

Дислокация: Архангельская область, г. Каргополь (в 1938–1940 гг.), ст. Ерцево Северной ж.д. с 22.11.1940 г.

Производство: лесозаготовки, строительство целлюлозного завода, поставка дров в Москву, заготовка лыжных болванок и изготовление лыж, строительство железнодорожных веток, шпалопиление и пр., и пр.

Численность: на 1 января: 1938 г. — 15 217 чел. (через три месяца численность зека возрастет вдвое, из них — 17 336 осужденных за контр-революционные преступления), 1941 — 25 218, 1942 г. — 12 402 чел., 1943 — 24 892 чел. (из них — 2378 женщин), 1944 г. — 15 758 человек (из них способных работать — чуть больше половины!), 1953 г. — 25 540 чел., 1956 г. — 10 294 чел.⁶

Главное, чем занимались обитатели Каргопольлага — лесоповал. На более сотни километров от Ерцева тянулись в разных направлениях, через леса и топи, нити железных дорог, к которым были привязаны ОЛПы — отдельные лагпункты — обнесенные высокими заборами жилые зоны, с бараками для заключенных. Вокруг каждого ОЛПа разбросаны были делянки, где пилили, валили и разделявали лес, где заготовленный лес трелевали к железной дороге и там грузили на платформы.

Описание погружения в лагерную жизнь оказывается далеко не столь радужными, как описание подъезда/подхода к лагерю.

Приведу редкое описание недолговременной столицы Каргопольлага:

Утром следующего дня, — пишет Марголин, — провели нас по улицам Каргополя. Вблизи город оказался как Пудож, разоренным и бедным захолустьем, с ветхими деревянными домиками, улицей Ленина и жалким сквериком, где босые ребятишки играли в городки. Мы пропылили по улице Ленина, сопровождаемые скучающими взглядами каргопольских горожан, с которыми я бы не хотел поменяться, даже идя в арестантском строю, — и вышли на пристань...⁷

Дополню зарисовку Марголина 1941 года на тему «тюрьма и воля» наблюдениями Елиазара Мелетинского, прибывшего в Каргопольлаг спустя десять лет:

Местные жители нисколько не жалели заключенных и даже отчасти им завидовали, ибо местным жителям жилось в чем-то и хуже, чем лагерю. Вологодская и Каргопольская деревня голодала уже несколько десятилетий, а здесь [в лагере — Б.Б.] был хлеб. Местные охотно выдавали беглецов (бежали, конечно, почти

⁶ Там же, с. 287–288. См. также: *Поморский мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий*. Т. 3. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова 2001, с. 630–631.

⁷ Ю. Марголин: *Путешествие в страну ээ-ка...*, с. 178–179.

исключительно блатные) и получали за это премию 200 рублей [...] Многие надзиратели тоже были из числа местных «трескоедов»⁸. Это порождало взаимную ненависть...⁹

Приведу еще одно свидетельство на тему «тюрьма и воля» — из самых ранних по времени пребывания в Каргопольлаге:

Со многими обидами встретились — одна показалась особо жгучей — вспоминает автор те дни, когда он в колонне зека от станции Няндома прошел многокилометровый путь до лагеря. — Проходили по улице какой-то деревушки. Молоденькая учительница местной школы выстроила учащихся шеренгой, наставница скомандовала: «Три-четыре!» И дети с упоением проскандировали: «Смерть вра-гам на-ро-да!»¹⁰.

Работа в лесу принадлежала к самым тяжелым, главным образом, из-за условий труда. Расстояние от лесоповала до лагеря в среднем составляло шесть километров, зэки весь день работали под открытым небом, по пояс в снегу. Вымокшие до нитки, голодные и нечеловечески усталые. «Я не встретил в лагере никого, — свидетельствует в своих знаменитых мемуарах поляк Герлинг-Грудзинский, — кто проработал бы в лесу дольше двух лет. Обычно они уже через год уходили с неизлечимым пороком сердца в бригады, занятые на несколько более легких работах, а оттуда на смертельную “пенсию” — в “мертвецкую”»¹¹.

⁸ Трескоеды — ироническое прозвище крестьян Вологодской и Архангельской областей.

⁹ Е.М. Мелетинский: *Избранные статьи. Воспоминания*. Москва: РГГУ 1998, с. 575. В том же отрывке есть и более конкретные характеристики: «В расчетной части работали и вольнонаемные [...]. Рита [...] была очень тихой и замкнутой, мало говорила. Помню только однажды, в пылу редкой откровенности, Рита призналась со вздохом, что “хороший мальчик” обязательно оказывается блатным. Аня была еще более замкнутая и к тому же мрачноватая. Казалось, она чурается заключенных. Внешность ее была малопривлекательной и очень напоминала портрет-реконструкцию жительницы древней каргопольской культуры в археологической книжке, за что ее прозвали “пещерная трескоедка”. Эта же ненависть, видимо, была и у Ани, что ей, впрочем, не помешало забеременеть от заключенного — одного бойкого “бытовика”».

У Мелетинского, работавшего в лагерной бухгалтерии и начислявшего зарплату всем вольнонаемным, находим и такую, редко встречающуюся в лагерной мемуаристике, информацию о том, что почти все вольнонаемные, особенно офицеры, платили алименты своим бывшим женам, а старший уполномоченный, в виде исключения, должен был платить своей заброшенной престарелой матери (Там же, с. 543).

¹⁰ В.И. Вельмин: *Когда торжествовала ложь*. В кн.: ...*Иметь силу помнить. Рассказы тех, кто прошел ад репрессий*. Москва: Московский рабочий 1991, с. 145.

¹¹ Г. Герлинг-Грудзинский: *Иной мир: Советские записки*. Перев. с пол. Н. Горбаневской. Москва: Прогресс 1991, с. 47.

Среди зека других лагерей бытовало мнение, что лагерь, основной профиль которого лесозаготовка — хорошее место. Однако у попавшего в Каргопольлаг этот взгляд очень быстро менялся. Окуневская пишет:

Ни Джекказган, ни 36-й, ни культбригада — ничто. Вот он, настоящий лагерь... Совсем на болоте, говорят, что летом, когда идешь по трапам, они колышутся. Голо. Пусто. Ни деревца. Здесь раньше был лесоповал, а теперь все вырубил, и лес где-то за пять километров, и никаких волокуш — пешком¹².

Остановимся на этой ландшафтно-экологической зарисовке и обратим внимание на следующую деталь. Из почти тридцати опубликованных мемуаров о Каргопольлаге лишь в шести есть описание природы Каргополья¹³, при этом по объему и по содержанию весьма перечислительное и минималистское.

Как справедливо указывает в статье¹⁴, посвященной мемуарам узников ГУЛАГа (но совершенно другой проблеме), исследователь из Манчестера Ади Кунцман: «Лагерные мемуары как литературный жанр, имеющие свои структурные, стилистические и тематические особенности, имеют и свои лакуны, свои умолчания»¹⁵. Одной из таких лакун является достаточно периферийный для лагерной мемуаристики предмет, как *описание природы*, окружавшей лагерь. Даже простого упоминания о ней нет в большинстве известных нам текстов! В первую очередь отсутствием эмпирических материалов надо объяснять совершенную непопулярность темы и в среде историков и литературоведов: научная литература, никогда не задерживается на теме подобных описаний, обходит молчанием вопрос об окружающем узника концлагеря пейзаже.

Возвращаясь к приведенной выше цитате из Окуневской, отметим редкий для лагерных мемуаров вообще случай возможности «рифмовки» мемуарных строк с теоретизированиями исследователей пейзажных образов в русской литературе (поэзии):

Грядущее уничтожение природы — пишет Михаил Эпштейн, — грозит стать полным и необратимым, значительное место в пейзаже «конца» занимает мотив пустоты. Наложенный на масштаб всей планеты, он претворяется в образ пустого

¹² Т. Окуневская: *Татьянин день*. Москва: Вагриус 1998, с. 369.

¹³ Здесь и далее географическое понятие «Каргополье» используется расширительно: на самом деле в ареал Каргопольского ИТЛ кроме Каргопольского р-на в разные годы входили Коношский, Няндомский, Вельский, Плесецкий р-ны Архангельской обл., а также Кирилловский р-н Вологодской обл.

¹⁴ А. Кунцман: «*Омерзительные существа*»: *сексуальная политика отвращения в мемуарах узников ГУЛАГа*. В кн.: *Российская империя чувств: Подходу к культурной истории эмоций*. Москва: НЛЮ 2010, с. 380–398.

¹⁵ Там же, с. 397.

ореха, знаменующего возможную участь земли [далее — опускаем примеры из советских поэтов — Б.Б.]. Все эти поэтические видения, как бы ни казались они фантастичны, предупреждают о реальной угрозе, нависшей над природой, и вызывают к действительной жалости, к скорби, пробуждающей дух и разум...¹⁶

А ведь, казалось бы, достаточно логично, если бы северный пейзаж Каргополья все же возникал в воспоминаниях зека, конечно, противореча при этом идеальному пейзажу и его пяти устойчивым элементам, который приводит тот же Михаил Эпштейн¹⁷. Как мы убедимся из дальнейшего, в мировосприятии зека, природа, конечно, не *locus amoenus* и даже не *locus foedus* [т.е. «гадкое место»]...

Массовое игнорирование (вытеснение) пейзажа в мемуарах зека — явление, требующее объяснения.

Читаем в мемуарах Валерия Фрида:

В конце лета случилось ЧП¹⁸, и я [...] был отправлен без конвоя на сенокосную подкомандировку. [...] Отправили без охраны: в разгар страды конвоиров не хватало [...] До подкомандировки было километров двенадцать. Мы шли лесом, собирая по дороге ягоды. Заглянули к лесничихе, попили парного молочка. И я впервые понял, как замечательно красив северный лес, в котором я прожил уже три года. Раньше не замечал — и когда через месяц возвращался с сенокоса вместе с бригадой, в сопровождении конвоира с винтовкой («под свечкой») опять стал равнодушен к красотам природы¹⁹.

О том же свидетельствует и Марголин, который из-за голода начал понимать, что «легче войти в лагерь, чем выйти из него». Лагерь перестал быть для Марголина темой для наблюдений: «Я перестал наблюдать и начал умирать в лагере»²⁰. О том же пишет и Сергей Фомченко:

¹⁶ М.Н. Эпштейн: *Природа, мир, тайник вселенной...: Система пейзажных образов в русской поэзии*. Москва: Высшая школа 1990, с. 196–197.

¹⁷ «Элементами идеального пейзажа, как он сформировался в античной и средневековой европейской литературе» следующие: «1) мягкий ветерок, овевающий, нежащий, доносящий приятные запахи; 2) вечный источник, прохладный ручеек, утоляющий жажду; 3) цветы, широким ковром устилающие землю; 4) деревья, раскинувшиеся широким шатром, дающие тень; 5) птицы, поющие на ветвях.

Таковы самые устойчивые элементы того, что по-латински именовалось *locus amoenus* — “приятным, восхитительным местом”, или “местом мест”» (М.Н. Эпштейн: *Природа, мир, тайник вселенной...*, с. 131).

¹⁸ «ЧП было несерьезное: бухгалтер подкомандировки Сашка Горшков вообразил, что у него триппер. Он впал в панику, не мог работать: сидел целыми днями и разглядывал воспаленное место. Начислять питание сотне женщин, посланных на сенокос, стало некому. На выручку бросили меня» (В. Фрид: 58". *Записки лагерного придурка*. Москва: Издательский Дом Русанова 1996, с. 204).

¹⁹ Там же, с. 204–205.

²⁰ Ю. Марголин: *Путешествие в страну зэ-ка...*, с. 196.

Немного отъевшись [...] я начал, правда временами, ощущать красоту окружавшего меня леса, бронзовые колонны строевых сосен, солнечные поляны, зеленый моховой ковер. Но очень, очень редко...²¹

Природа для зека — неперсонифицированный источник страха и агрессии. Обморожение, болезни, холод и голод, вымокшая и испорченная одежда — вот для зека ощутимые последствия общения с природой.

Природа для зека, вкальвающего от зари до зари под присмотром вохровца, — враг. В мире, который окружает зека, природа почти всегда враждебна по отношению к нему. И он платит ей тем же. Выход на природу — означает путь к смерти (или — шаг к смерти). Каждое спиленное, падающее дерево — потенциальный убийца, от которого надо спастись. С другой стороны, чем больше деревьев уничтожит зека, тем больше шансов выжить, не умереть от истощения, получив увеличенную пайку. А отказ от выхода на работы в лес — равносителен самоубийству. Поэтому лучше вообще не иметь дела с этой самой природой, не видеть ее, не фиксировать (!). Еще лучше — вообще не попасть в бригаду лесорубов, остаться за высоким глухим забором на зоне в придурках, это уже шанс выжить!

В психиатрии используется термин, «тоннельное зрение», которое характеризует некоторые формы депрессивного состояния, суживающие у пациента возможности восприятия окружающего мира. Подобная ущербность восприятия мира может приводить, в том числе, и к неразличению цвета. Здесь уместно привести мысль Марголина о деформированности, ненормальности, поврежденности каждого лагерника, и отсюда — о совершенно ином, чем у вольного человека, видении окружающего:

Мы отвыкли от вида нормальных вещей [...]. В лагере были изуродованы все без исключения люди и все вещи. Те же самые слова русского языка, которые употреблялись на воле, в лагере значили что-то другое [...] Под страшным воздействием лагерных условий каждый человек подвергается деформации. Никто не сохраняет первоначальной формы. Трудность наблюдения в том, что сам наблюдатель тоже деформирован. Он тоже ненормален. Чтобы правильно оценить все происходящее, ему следовало бы прежде всего учесть собственную ненормальность. В лагере нет неповрежденных...²²

Кстати, упомянутое выше тоннельное зрение зека на окружавший его мир — остается таким и тогда, когда спустя годы уже бывший зека садится за написание мемуаров.

²¹ С. Фомченко: *Первые десять (отрывок из книги)*. В кн.: *Уроки гнева и любви. Сборник воспоминаний о годах репрессий (20-е–80-е гг.)*. Сост. и ред. Т.В. Тигонен. 4-й вып. Санкт-Петербург 1993, с. 225.

²² Ю. Марголин: *Путешествие в страну зэ-ка...*, с. 277–278.

Диссонансом с этими рассуждениями оказываются редкие случаи, когда мемуаристы все же увидели природу Каргополья. И чуть ли не единственный в своей «полноте», случай ее «созерцания» — в мемуарах Павла Гольдштейна. Будущий литератор и философ попал в Каргопольлаг в конце 1939 г.:

Я созерцал наступление весны. Сходил снег, и все кругом меня как будто заговорило. И муравьи, и земля закопошились [...]. Каждое еще стоявшее несрубленное дерево ощущалось как очарование жизни. Пришла весна, сменив зиму. Думал так, что все те лесорубы стали подобны деревьям в предопределенном им уничтожении²³.

У других мемуаристов мы видим более прагматичный взгляд на природу, это происходит в тех случаях, когда в потенциальном враге — природе зека обнаруживает неожиданную пользу.

Например, у Герлинг-Грудзинского:

Только в июле и августе, когда бесконечная полярная зима раздражается коротким, но жарким летом, узкие болотистые вырубki открывают перед несчастными цинготными богатство ягод, терпкой рябины и грибов, а землистые лица, покрытые слоем грязи, и гноящиеся глаза, в которых еще глится искорка жизни, с благодарностью и новой надеждой поднимаются к солнцу²⁴.

Или еще одно воспоминание, когда природа неожиданно для зека оказывается и «кормилицей» и потенциальной убийцей, — но уже «привязанное» к конкретной лагерной человеческой истории:

Подходило к концу довольно дождливое лето, необычайно богатое грибами и ягодами, — вспоминает Юрий Люба. — И наш главбух... ходил в лес на «подножный корм». Он... притаскивал в зону огромное количество грибов, варил их с помощью дезинфектора в вошебойке и тут же поедал все без остатка... К осени на вырубках появилось множество опят. И Николай Николаевич стал приносить их столько, что сразу съесть уже не мог. В той же вошебойке он насытил этих грибов целую наволочку. Вот тут-то и подкараулила его беда...²⁵

Но какая же природа без фауны? — Совсем редко, но и ее вдруг фиксирует специфические взгляд и память зека:

Во второй половине зимы, — вспоминает Михаил Пузырев, — мы ловили не только воробьев, но и крыс. Кости сожженных лошадей сутками парили в печи и поедали без остатка²⁶.

²³ П.Ю. Гольдштейн: *Точка опоры: 17 лет в лагерях жизни и смерти*. Иерусалим [1982], с. 44.

²⁴ Г. Герлинг-Грудзинский: *Иной мир...*, с. 69.

²⁵ Ю. Люба: *Воспоминания...*, с. 108.

²⁶ М. Пузырев: *И покатился колобок*. [Котлас] 1997, с. 61.

Про то же, но уже в рамках «кочующего» сюжета — у Фрида:

Зэки умеют извлекать выгоду из любых ситуаций. Так мой товарищ [...] поймал козу, забредшую за ограждение. Ее убили, а тушу разделали циркулярной пилой. Развели костер, наскоро поджарили козу и всей бригадой схавали без соли²⁷.

Теперь — о несколько другой живности. Однажды автора воспоминаний — Сергея Фомченко (как и Фрида — «лагерного придурка») послали осмотреть барак, только что прошедший санобработку:

Я туда зашел сразу после проветривания, еще не закончили свою работу уборщики. Я бы никому не поверил, если бы не увидел ЭТО своими глазами. Посреди барака высилась коричневая, коническая куча, высотой немного менее метра. Подойдя ближе я увидел, что она состояла из сметенных клопов. Не помню, как я вылетел из барака, не помню, рвало меня или нет, но кучу эту помню и до сих пор вздрагиваю от отвращения²⁸.

Но про фауну есть не только тошнотворное, но и чисто мистическое. Лагерный врач Вадим Александровский утверждает, что дважды — на следующую ночь после ареста Берии и в декабре, когда объявили о казни Берии и его подручных, и тоже — на следующую ночь: «собаки, бегавшие снаружи вокруг зоны на проволоке, подняли ужасающий вой и выли всю ночь [...]. Собаки выли страшным хором от зари до зари. Никто даже из старых зеков не мог припомнить ничего подобного»²⁹.

Итак, фауна — как и флора для зека или однозначно враждебна (клопы, собаки), или — вожденный (но так редко попадающийся в руки зека!) объект утоления голода.

Можно привести еще несколько цитат и собственных рассуждений, но они вряд ли добавят что-то к вышесказанному. Остается только повторить: в подавляющем большинстве мемуаров бывших зека природа Каргополья своего отражения не нашла. В каком-то смысле можно сказать, что природа, окружавшая многие годы заключенных, стала «утерянным объектом истории»³⁰.

Сегодня на месте Каргопольлага, на месте сосновых и еловых лесов — сотни километров болот (экологические последствия ГУЛАГовского производства!), вместо железных дорог — непроходимые топи, на месте лагеря (станция Ерцево) — лагерь! Но, конечно, Каргопольлага,

²⁷ В. Фрид: 58 ". *Записки лагерного придурка...*, с. 135.

²⁸ С. Фомченко: *Первые десять...*, с. 232.

²⁹ В. Александровский: *Записки лагерного врача*. Москва: Возвращение 1996, с. 70–71.

³⁰ А. Кунцман: *«Омерзительные существа»...*, с. 398.

в том виде, в котором его застали зеки 1930-х–1950-х, годов больше нет. Сегодня в лагере трудится несколько тысяч заключенных, осужденных по уголовным статьям.

И еще вот такая зарисовка путешественников по еще недавно действовавшей лагерной железной дороге:

Самое трудное в таких поездках — убедить машинистов в том, что мы просто путешествуем, а не шпионы, как обычно им кажется, к тому же с картой. Как водится, рыбаки в кабине употребляют самогон, и... угощают им машинистов. Вскоре те начинают гоняться за глухарями и прочей живностью, пытаются сбивать дичь тепловозом³¹.

Пришло время продолжить прерванную в самом начале цитату из воспоминаний Марголина:

Город в лучах заходящего солнца сиял и горел, как видение летописного прошлого. Я не мог отвести глаз от панорамы города. Пока я глазел, совершилось неизбежное, и у меня украли мой чемодан...³²

Все вышеизложенное всего лишь иллюстрирует тезис о неизбежности и скоротечности превращения *locus amoenus* в *locus nullus* («никакое место»)! Не более того.

Boris I. Bielenkin

WALIZKA MARGOLINA
(EKOLOGIA KARGOPOLA WE WSPOMNIENIACH BYŁYCH WIĘZNIÓW)

Streszczenie

Podstawowym źródłem tego opracowania są wspomnienia więźniów Kargopolu. Obiektem badania stało się masowe ignorowanie (możliwe też, że podświadome wyparcie) opisów przyrody w większości tych wspomnień. Autor stawia pytanie, czym spowodowane było to zjawisko i dochodzi do pewnych wniosków: w odbiorze świata przez więźniów przyroda stawała się wrogiem, nieupersonikowanym źródłem strachu i możliwej agresji, której należało uniknąć. Postrzeganie świata przez więźniów zawężało się do „widzenia tunelowego”, które pojawia się w wolnym świecie w przypadku ostrych rozstrojów psychicznych. Ze zjawiskami tymi skonstrastowane są te rzadkie przypadki, kiedy niektórzy autorzy wspomnień dostrzegali jednak przyrodę Kargopola. Zdarza się to wówczas, gdy w potencjalnym wrogu uwięzieni dostrzegali źródło pewnych korzyści, na przykład sposób na zaspokojenie głodu. Jednak w większości omawianych wspomnień przyroda Kargopola przez wiele lat otaczająca uwięzionych stała się „utraconym obiektem historii”.

³¹ Е. Стерлин: *Поездка на железную дорогу Ерцово–Совза*. В кн.: С. Болашенко: *Живые рельсы*. Железнодорожный 2005, с. 87.

³² Ю. Марголин: *Путешествие в страну зэ-ка...*, с. 177.

Boris I. Belenkin

MARGOLIN'S SUITCASE.
THE ECOLOGICAL SITUATION OF KARGOPOL AREA
IN FORMER PRISONERS' MEMOIRS

Summary

The main source of this work — memoirs of Kargopol'ag's prisoners. The object of examination is a phenomenon of ignoring (perhaps deliberately) to depict of nature when describing one's experience in a camp. The author looks for an explanation of the phenomenon and makes some cautious conclusions. In the worldview of a prisoner nature was an enemy, unpersonified source of fear and possible aggression, a source that must be avoided. Prisoner's perception of the world thereby narrowed down, what has resulted in the so-called "tunnel vision" — an effect common among the freed prisoners with acute psychiatric disorders.

Some rare cases are discordant with this general tendency and there are memoirs, where authors describe Kargopol's nature. This happens when in the potential enemy the prisoner saw some use, for example, a possibility to satisfy hunger. But in most of the memoirs Kargopol's nature, that surrounded prisoners for many years, has become "the lost object of history".